

Зачем автократиям электоральный ритуал? Историко-социологические рассуждения

АЛЕКСЕЙ
ЛЕВИНСОН
СТЕПАН
ГОНЧАРОВ

Выборы в России, как и в ряде других стран, оказались таким элементом социально-политической системы, который создает для практикующих их режимов немалые сложности, а иногда даже ставит под вопрос само их существование, – но за него держатся и от него не отказываются.

Есть распространенное объяснение: выборы нужны для легитимации или поддержания легитимности режима. При своей простоте ответ не обладает достаточной убедительностью. Во-первых, есть немало режимов, которые обходятся без этого средства. Во-вторых, выборы в таких странах часто окружены столь плотным облаком скандалов и разоблачений, что скорее ведут к подрыву, чем к укреплению, легитимности. Наконец, в-третьих, есть немало оснований думать, что в политической культуре стран, о которых идет речь, идея легитимности как таковая может отсутствовать или же легитимность (либо какой-то ее эквивалент) может иметь совсем иную природу, не связанную с выборами.

Алексей Георгиевич Левинсон (р. 1944) – руководитель отдела социокультурных исследований «Левада-центра».

Степан Владимирович Гончаров (р. 1992) – руководитель отдела прикладных социологических исследований «Левада-центра»¹.

ПРЯМОЕ, РАВНОЕ И ТАЙНОЕ

Известно, что идея всеобщих, прямых и тайных выборов родилась в лоне западноевропейской цивилизации и была в свой час заимствована модернизационно ориентированной элитой в России. Известно и то, что аутентично воспроизвести в общенациональном масштабе эту социальную конструкцию в России удалось не более двух раз за столетие, и потому приходится признать, что у российской электоральной системы очень плохая наследственность.

Первый опыт всеобщих выборов на основе прямого, равного, тайного избирательного права – это выборы в Учредительное собрание, прошедшие в 1917 году. Печальная судьба этого парламента хорошо известна. Те, кто отменил результаты

1 АНО «Левада-Центр» внесена Министерством юстиции Российской Федерации в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. – *Примеч. ред.*

этих по-настоящему демократических выборов, ввели, вместо них, свою систему выборов в советы. Такие выборы в форме открытого голосования в коллективах предприятий и учреждений за депутатов нижнего уровня, которые далее выбирали депутатов следующего уровня и так далее, вплоть до ЦИКа, соединяли в себе приемы новосозданной системы контроля со стороны правящей партии и, как считают некоторые историки, элементы архаической вечевой системы. (Мы же в свою очередь видим здесь прямое продолжение стихии митингов и собраний, охватившей страну в пред- и постреволюционное время.) Такая система продержалась почти двадцать лет и позволила создать полноценную диктатуру.

Интересен вопрос, почему вдруг Сталин и его окружение решили в середине 1930-х вернуться к «четырёххвостке» – всеобщим, тайным, равным и прямым выборам. Причин, на которые указывает сам Сталин, было две. В ходе подготовки Конституции 1936 года он писал о введении новой системы следующее:

«Обстановка и соотношение сил в нашей стране в данный момент таковы, что мы можем только выиграть политически в этом деле. [...] Я уже не говорю о том, что необходимость такой реформы диктуется интересами международного революционного движения, ибо подобная реформа обязательно должна сыграть роль сильнейшего орудия, бьющего по международному фашизму»².

Таким образом, первая причина – проблемы с властью внутри страны. Власть большевиков и при Ленине, и при Сталине обеспечивалась диктатурой. Но силовые средства дополнялись идеологическими. Идеология «мировой революции» Ленина-Троцкого акцентировала отказ от буржуазного «парламентского кретинизма» в пользу новых революционных форм народного самоуправления. Стихийно возникшие в России советы имели много общего со стихийно возникшей во Франции Коммуной – и отсюда, кстати, известная синонимия *советского* и *коммунистического* в речевом обиходе большевиков. Эту стихийную форму самоорганизации они обратили в форму диктатуры. Ее отличие от буржуазной демократии было представлено – и «своим», и внешнему миру – как достоинство.

К началу 1930-х троцкистско-ленинское поколение в советско-российских элитах как политическая сила было оттеснено и уничтожено. Правящая группировка – Сталин и те, кого он еще не истребил, в том числе Бухарин, – праздновали установление полного контроля над партаппаратом, бюрократией, но при этом не были уверены в политической лояльности насе-

2 Цит. по: Хлевнюк О. В. *Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры*. М.: РОССПЭН, 2012. С. 249.

ления. Сопротивление крестьян в ходе коллективизации было стихийным, но достаточно мощным. Беспokoило власть и недовольство голодным пайком в городах. Важнейшей задачей новой избирательной системы Сталин считал возможность «выиграть политически» – то есть купить лояльность населения. Поэтому было решено торжественно вернуть народам бывшей Российской империи отобранные 19 января 1918 года всеобщие, равные, тайные и прямые выборы. Вернуть, не вспоминая Учредительное собрание, а рассуждая вообще о выборах в «буржуазных демократиях», которые у них ненастоящие, а у нас будут настоящими.

Конечно, то были лишь демократические декорации. Право выдвижения кандидатов получили только «общественные организации» и «общества трудящихся». Это был главный механизм контроля. Второй механизм можно описать с помощью приписываемого Сталину апокрифического высказывания: «Совершенно неважно, кто и как будет [...] голосовать; но вот что чрезвычайно важно, – это кто и как будет считать голоса»³. Под воздействием обеих систем контроля публикуемые результаты голосования всегда показывали убедительную победу тех, кто и должен был победить.

Второй адресат, который подразумевался Сталиным, – трудящиеся массы западных стран. К середине 1930-х не только троцкистско-ленинская концепция немедленной мировой революции показала свою несостоятельность, но и хранящее эту идею международное коммунистическое движение во главе с Коминтерном, находившимся под руководством Сталина и его аппарата, начало слабеть. Оно сдавало позиции родившимся под его же влиянием движениям фашизма в Италии и национал-социализма в Германии (в СССР «фашизмом» называли и то и другое). Обе эти альтернативы коммунизму как идеологии и движению возникли и развились *внутри* буржуазных демократий, использовали присущие им форм парламентаризма и электоральных систем. (Как они обошлись с этим политическим инвентарем, выяснилось позже.) Слова Сталина о «международном фашизме» подразумевают тот факт, что эта идеология одерживала в европейских странах одну политическую победу за другой: режимы, подобные государствам Муссолини и Гитлера, заняли значительную часть Европы.

Сталин это заметил, но он плохо понимал причины перехода трудящихся из-под знамен Коминтерна под знамена фашистов

3 Цит. по: <https://ru.citaty.net/tsitaty/474546-iosif-vissarionovich-stalin-nevazhno-kak-progolosovali-vazhno-kak-podschital/>. Подлинность этого высказывания многократно ставилась под сомнение – судя по всему, обоснованно. Фраза известна из мемуаров Бориса Бажанова (Бажанов Б. *Борьба Сталина за власть. Воспоминания бывшего секретаря Сталина*. М.: Алгоритм, 2020); согласно автору, Сталин сказал это в 1923 году. Похожую сентенцию приписывали Наполеону III, а также ряду американских политиков конца XIX века. – *Примеч. ред.*

АЛЕКСЕЙ ЛЕВИНСОН,
СТЕПАН ГОНЧАРОВ

ЗАЧЕМ АВТОКРАТИЯМ
ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ РИТУАЛ?..

АЛЕКСЕЙ ЛЕВИНСОН,
СТЕПАН ГОНЧАРОВ

ЗАЧЕМ АВТОКРАТИЯМ
ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ РИТУАЛ?..

и нацистов. Перетасовка и уничтожение ставленников Коминтерна в разных компартиях, запрет немецким коммунистам выступать в едином фронте с социалистами представляли собой лихорадочные и провальные попытки Сталина административно-репрессивными средствами удержать уходящую от него социальную базу мирового коммунизма. Демонстративный возврат Страны Советов к общепринятым нормам буржуазного парламентаризма был призван, как Сталин открыто указывает, сыграть «роль сильнейшего орудия, бьющего по международному фашизму». Подчеркнем, «международный фашизм» в тот момент – не военный противник, каким он станет с июня 1941 года, а идеологический конкурент в борьбе за голоса европейского электората, прежде всего рабочего класса. В глазах мирового пролетариата, не захотевшего, как показал период после волны коммунистических революций и восстаний в Европе, расставаться с буржуазным парламентаризмом и якобы недоступными для него свободами и правами, Советская Россия теперь должна была предстать не диктатурой, а respectable демократией – как у всех, только лучше.

Демонстративный возврат Страны Советов к общепринятым нормам буржуазного парламентаризма был призван сыграть «роль сильнейшего орудия, бьющего по международному фашизму».

Попробуем рассмотреть еще два объяснения внезапного поворота к парламентаризму, запущенного Сталиным. Первое можно попытаться извлечь из концепции модернизации. Если отойти от исторической конкретики и специфики, происшедшее в Советском Союзе тех лет можно считать более или менее типичной модернизационной ситуацией. А раз СССР заимствовал у Запада многие технологии, то и технология всеобщих, равных и тайных прямых выборов вполне объяснимо могла оказаться в их числе. Однако все не так просто. Технологии производства заимствовали, чтобы использовать точно так же, как на Западе; но технологию прямых, тайных и равных выборов советская власть не собиралась использовать по назначению – то есть в качестве свободных выборов. Новые правители знали о своей цене в глазах народа и понимали, что это означало бы для них немедленную потерю властных рычагов. Заимствуя процедуру, они намеревались поставить ее на службу совсем иным целям. Поэтому элементарное применение модернизационной логики в данном случае не годится. Концепцию требуется усложнить, заложив в нее такой тип рецепции демо-

кратических институтов, который используется недемократическими режимами в своих, отнюдь не демократических, целях.

К сегодняшнему дню таких кейсов уже немало. Все они объединяются общим для соответствующих режимов стремлением заставить истинно демократические государства формально признать их равными себе. Как и восприятие дипломатического этикета, подобные меры облегчают им сношения со странами западной политической культуры. Но за этот демократический декор подобным режимам порой приходится платить, потому что в их обществах регулярно появляются силы, которые желают трактовать демократические институты не как декоративные, а как действующие. Такая ситуация возникла и в нашей стране. О ней мы поговорим далее.

Пока же напомним, что с принятием Конституции 1936 года новая электоральная система быстро вошла в систему советских ритуалов лояльности вроде «демонстраций трудящихся» 1 мая и 7 ноября. Участие было добровольным, зато отказ от участия был чреват санкциями. Но главным было не прямое принуждение к участию со стороны властей, а формирование коллективной обрядности, приучение к коллективному энтузиазму, при котором принуждение осуществляет сам коллектив. Тоталитарный режим обеспечивался сочетанием контроля со стороны специально для того созданных органов и – самое существенное – тотального социального контроля внутри коллективов.

РИТУАЛЫ ЛОЯЛЬНОСТИ

Выборы в СССР не выполняли тех задач, для которых этот социальный механизм был создан и отлажен в местах его исторического происхождения. Здесь эту новацию обжили и власти, и население, у нее появились невиданные ранее функции. *Выборá*, как их называли тогда, стали одним из важных ритуалов или перформансов, в ходе которых граждане выражали лояльность строю и вождям. То, что выборы «равные», демонстрировалось тем, что вожди под фото- и кинокамеры голосовали, «как все». Тоталитарные режимы нуждаются в механизмах обеспечения тотальности, и поэтому советские власти придавали очень большое значение «всеобщности» выборов. В далекие стойбища и затерянные деревни, куда не доходили ни почта, ни медицинская помощь, на самолетах или аэросанях доставляли урны, чтобы в них опустили бумажки лишь несколько человек – исключительно для того, чтобы об этой государственной доскональности из кинохроники «Новости дня» узнали миллионы.

АЛЕКСЕЙ ЛЕВИНСОН,
СТЕПАН ГОНЧАРОВ

ЗАЧЕМ АВТОКРАТИЯМ
ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ РИТУАЛ?..

Требование непрременности участия *всех* в голосовании («Все на выборы!» – характерный слоган) рождало возможность легкого шантажа со стороны избирателей. Было известно, что угрозой «а то не пойдем голосовать» жильцы могли принудить домоуправление починить крышу, чего обычными средствами добиться не удавалось. Схема была сложной. Шантажировали не самого управдома, а «агитаторов» – работников какого-либо учреждения, которых тамошняя парторганизация парами отправляла обходить избирателей по домам и квартирам, чтобы уговаривать, подталкивать, обеспечивать явку. Встречаясь с угрозой неявки, агитаторы рапортовали в партком, партком докладывал в райком, а райком грозил управдому.

День выборов оформлялся как праздник. На избирательных участках играла музыка, продавали праздничные угощения и обязательно что-нибудь из «дефицита», например, бутерброды с красной рыбой или с сервелатом. Стоит заметить, что связанные с появившимися выборами праздничные ритуалы в 1930-е соседствовали с ритуальными же собраниями «на производстве». Там господствовала резко негативная тональность, поскольку людей, как правило, собирали, чтобы коллективно клеймить «врагов народа» и требовать их «раздавить». Присутствие на этих мероприятиях также было обязательным. По контрасту с этими гнетущими обрядами ненависти ритуал выборов был радостным и именно таким запомнился советским людям. Выборы не предполагали никакого выбора и не нагружали никакой ответственностью за него. Проголосовал, отдал «гражданский долг», спокойно иди домой – под музыку из репродукторов.

Если же подходить к вопросу о функциях системы советов – от районного/поселкового до Верховного – как системы управления, то придется сделать вывод о почти полной ее бесполезности. Да, депутаты местных советов в какой-то мере участвовали в решении локальных хозяйственных вопросов, но скорее как инструмент исполнительной власти. Распорядительная же власть находилась в руках партийных органов, в том числе местных. И тем не менее такой подход вряд ли достаточен. Система исполняла другие функции – она маскировала диктатуру демократическими ритуалами и в этом смысле приносила ей пользу.

В иерархии ВКП(б), которая была прототипом всех иерархий государственного устройства СССР, каждый уровень отвечал перед вышестоящим за надлежащую организацию выборов на вверенном ему «этаже». Ритуал выборов был тогда (и остается теперь) средством проверить готовность всех инстанций власти, сверху и донизу, подчиняться и исполнять приказы вы-

шестоящих. Практическая бессмысленность при ритуальной значимости – свойство многих процедур, используемых властными системами для поддержания самодисциплины.

Перед тем, как перейти к обсуждению нового этапа в развитии отечественной электоральной системы, напомним о некоторых моментах ее бытования «на исторической родине», в странах с устойчивыми демократическими режимами. В местах своего происхождения эта система представляет собой социально-техническое средство для формирования населением кадрового (а значит – и политического) состава органов, которым граждане вручают на время право управления общественной жизнью. Устройство этого политического механизма таково, что оно позволяет реализовать компромисс между противоречащими друг другу интересами различных частей населения – то есть получить такой персональный состав вышеупомянутых органов, который не устраивает полностью ни одну из сторон, но именно этим устраивает их всех. Часть этих органов управляет коллективно (парламент), а часть – единолично (глава региона или страны), поэтому компромиссным в одном случае является состав парламента, в другом случае – фигура правителя. Заметим, что наряду с этим главным социальным механизмом в западноевропейской традиции возникли еще два вспомогательных: свободная пресса и опросы общественного мнения.

**АЛЕКСЕЙ ЛЕВИНСОН,
СТЕПАН ГОНЧАРОВ**

ЗАЧЕМ АВТОКРАТИЯМ
ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ РИТУАЛ?..

**Выборы не предполагали никакого выбора и не
нагружали никакой ответственностью за него.
Проголосовал, отдал «гражданский долг», спокойно
иди домой – под музыку из репродукторов.**

Выборы, описанные выше, предполагают не только наличие равных прав у всех избирателей, но и некоторый уровень их социальной компетентности. Каждый избиратель, как предполагает эта система, имеет, помимо права голоса, еще и мнение, в соответствии с которым он голосует. Электоральная система не знает иного источника мнения у избирателя, кроме того, что он гражданин и потому правоспособен. Опросы общественного мнения возникли как способ, если угодно, игровой имитации выборов. Зачем и кому она нужна – об этом скажем позднее, а сейчас подчеркнем, что классическая схема соцопроса реализует все перечисленные принципы выборов: тайну, равенство и всеобщность. Технология опроса предполагает анонимность респондентов и тем самым сохраняет в тайне каждое мнение. При обработке результатов опроса все анкеты (или

любые иные носители мнений) трактуются как одинаковые единицы счета, что соответствует принципу равенства голов/бюллетеней при подсчете результатов выборов. Наконец, всеобщие выборы, по идее, охватывают всех, имеющих право голоса, а опросы производятся по репрезентативной выборке, сохраняющей в себе те же пропорции распределения мнений, что и в электорате в целом.

Опросы, как и выборы, способны лишь фиксировать существующее в данном социуме распределение мнений. Но в обществе существуют различные по устройству и характеру институты, которые формируют у людей эти мнения и влияют на их изменение. Один из этих институтов – свободная пресса, по-нынешнему, свободные медиа. При их посредстве происходит структурирование мнений, обеспечивается их динамика. В частности, с помощью СМИ обществу становятся известны результаты опросов общественного мнения. Являясь своего рода игрой в выборы, опросы вне выборов и в известном смысле вместо выборов (через прессу, медиа) сообщают всем, кого это интересует, какими были бы результаты выборов, если бы они состоялись в данный момент. В обществе существуют механизмы формирования и консолидации интересов. Интересы различны, зачастую конфликтны. Свободная пресса сообщает о них, делает их публичными.

В ряде стран эта демократическая система из трех компонентов – выборы, электоральная социология и пресса – не может нормально существовать и деградирует целиком и полностью. Но в некоторых странах какой-то части медиа и какой-то части агентств по проведению опросов удается уберечься от деградации и продолжить исполнять свои функции. И тогда складывается парадоксальная ситуация: сами выборы избирателям представляются нечестными, их официальные результаты ставятся под сомнение, а доверие переносится на опросы общественного мнения (пред- и поствыборные, в том числе экзит-поллы). Электоральная социология из вспомогательного инструмента превращается в контрольный, обслуживающий общество или ту его часть, которая считает нужным проверять официально обнародованные результаты выборов. Довольно много примеров того, когда на постсоветском пространстве результаты, «объявленные» социологией, становились поводом для выражения недовольства со стороны избирателей. А мучающее иных политиков подозрение, что независимая социология – чуть ли не первый инструмент «цветных революций», происходит из страха перед подлинно независимой проверкой.

Продолжим исторические параллели. К 1985 году в рядах КПСС созрела оппозиция, которая желала отстранить от власти задержавшееся поколение руководителей и видела своей за-

дачей перемены в управлении страной. Можно сказать, что открывалась новая фаза модернизации. Одна из идей новых модернизаторов состояла в том, чтобы вернуть системе выборов и выборным органам их изначальное предназначение. Александр Яковлев в 1985 году подал Михаилу Горбачеву записку с предложением провести «настоящие выборы» и сформировать новый орган управления страной. Через некоторое время этот план был реализован. Были приняты законы, в согласии с которыми состоялись выборы народных депутатов СССР, после избрания укомплектовавших Съезд народных депутатов и Верховный Совет. Выборы были проведены по весьма сложной схеме, отображавшей компромисс между силами, желавшими, чтобы КПСС продолжала управлять страной, и силами, искавшими новые демократические формы правления. За последующие несколько лет были отлажены и законодательно закреплены нормы всеобщих, равных, тайных и прямых выборов с альтернативными кандидатами на депутатские места. В 1989 году состав I съезда народных депутатов СССР гораздо полнее отражал социальный состав общества не только в смысле пропорций, но и в том, что депутаты выбирались из кандидатов, выдвинутых помимо контроля единой управляющей силы, каковой до того момента являлась КПСС. Эта избирательная система продолжала функционировать в РСФСР и далее, после распада СССР.

**АЛЕКСЕЙ ЛЕВИНСОН,
СТЕПАН ГОНЧАРОВ**

**ЗАЧЕМ АВТОКРАТИЯМ
ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ РИТУАЛ?..**

Мучающее иных политиков подозрение, что независимая социология – чуть ли не первый инструмент «цветных революций», проистекает из страха перед подлинно независимой проверкой.

В ходе социальных перемен 1980–1990-х за счет возвращения множественности кандидатов и конкуренции между ними выборы снова обрели характер инструмента, с помощью которого жители формируют органы, призванные ими управлять. Такой порядок вещей допускает или даже предполагает, что персональный состав этих управляющих будет меняться под действием различных факторов.

«ОТКЛЮЧЕНИЕ» ВЫБОРОВ

Но к середине 2000-х в стране в основном закончился силовой передел собственности и власти. Одной из групп интересов удалось построить так называемую «вертикаль», то есть зафик-

сировать свой контроль на всех уровнях административной иерархии и по всей государственной территории. Эта группа далее стала принимать меры организационного, идеологического и полицейского характера, направленные на закрепление достигнутого ею доминирующего положения. Одной из них стало «отключение» выборов как инструмента, меняющего состав управляющих по воле избирателей. Но идти при этом на полную отмену выборов власти не собирались, поскольку были заинтересованы в сохранении за выборами разнообразных функций. Одни видели в них средство «настоящей» легитимации власти. Другие считали их средством создания хотя бы ее видимости. А третьим выборы и парламентарная система были нужны для более практических целей.

Первая половина 1990-х была эпохой свободных выборов. Народные депутаты обладали реальным влиянием на экономические и социальные процессы на соответствующих уровнях – местных, городских, областных. Складывавшиеся в тот период группы интересов испытывали острую заинтересованность в проведении своих депутатов или в обретении контроля над депутатами. Люди, сумевшие – не всегда законными путями – добыть существенные активы, стремились обзавестись депутатскими местами, дававшими не только власть, но еще и неприкосновенность. В электоральную практику начали внедряться различные «грязные» технологии. Система при этом оставалась конкурентной, и местами конкуренция лишь обострялась.

Энтузиазм масс, сопровождавший первые выборы, постепенно сходил на нет. Выборы на местном и областном уровнях превратились в игру местных групп интересов. Следует подчеркнуть: те, кого называли «населением» или «избирателями», группой интересов *не являлись*, поскольку они не декларировали своих специфических устремлений и не создавали структур для их отстаивания (лоббирования). И поэтому они оказывались пассивной массой, объектом агитации или манипуляции со стороны действительно заинтересованных сил. Широкое распространение получила профессия политтехнолога – специалиста, который за плату брался обеспечить кандидату победу на выборах. Средства, которые использовали эти специалисты, включали порой незаконные приемы, дезинформацию и прочее. Существенную роль в их арсенале играла и социология, то есть опросы населения с целью выяснить, кому из кандидатов опрошенные намерены отдавать свои голоса. Изначальный авторитет этой социологии был высок, но именно поэтому частыми явлениями были фальсификации результатов или прямой обман, что, становясь известным, все более ощутимо подрывало ее репутацию. На национальном уровне, где действовали несколько конкурировавших агентств,

благодаря чему существовал взаимный контроль, фальсификаций не было. Но там, где конкуренция отсутствовала, злоупотребления встречались.

Подчеркнем разницу между «грязными» выборами 1990-х и фальсифицируемыми выборами более поздних лет. В первом случае ухищрения по обману избирателей предпринимали частные субъекты, зачастую состязаясь между собой, выборы же в целом оставались конкурентными. В более поздний период за дело взялась власть; она представляла собой единый субъект и решала задачу не победить, а получить – тем или иным способом – заранее заданный результат. (Лишь крайнее возмущение действиями или бездействием властей и стратегия «Умного голосования» в некоторых случаях восстанавливали ситуацию реальной конкуренции.)

С определенного момента выборы в России хронически стали вызывать недоверие у населения. Сложилось несколько парадоксальных комбинаций. Одна из них – использование властями подтасовок (не очень скрывааемых от публики) в ситуации, когда и вполне честные выборы принесли бы убедительную победу провластным кандидатам. Вторая – убеждение существенной части избирателей, в том числе и тех, кто собирался принять и действительно принимал участие в голосовании, в том, что результаты будут/были подтасованы. Третья – согласие избирателей, в том числе тех, кто полагал, что имели место значительные подтасовки, с результатами выборов.

Объяснение части этих парадоксов содержится в мысли Сергея Ковалева – экс-уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. Один из авторов данного очерка как-то в его присутствии выразил удивление: зачем «им» идти на большие хлопоты с подтасовками и на риск утраты доверия избирателей в ситуации, когда соцпросы и без того предсказывают уверенную победу их кандидату? Ковалев пояснил так: сейчас кандидат популярен, и подтасовки кажутся излишними, но к тому времени, когда он утратит популярность, они будут для власти необходимы. На этот случай им уже сейчас надо показать избирателям, что между голосованием и объявляемым результатом связи нет и не будет.

В развитие этой мысли надо подчеркнуть, что подтасовки имели столь массовый и очевидный характер, что уже на выборах в Московскую городскую думу в 2009 году вызывали громкое возмущение. Напомним, что тогда Дмитрий Медведев, находившийся на посту президента, фактически признал наличие этих фальсификаций, указав, что «надо разобраться». Перед выборами в Государственную Думу, в конце 2011 года, сам факт формирования двух гражданских организаций, ставивших целью общественный контроль за ходом голосования

АЛЕКСЕЙ ЛЕВИНСОН,
СТЕПАН ГОНЧАРОВ

ЗАЧЕМ АВТОКРАТИЯМ
ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ РИТУАЛ?..

и подсчетом голосов («Голос»⁴ и «Гражданин наблюдатель»), свидетельствовал об имеющихся в обществе подозрениях в отношении попыток фальсификации.

То, что происходило далее в день голосования и при последующем подсчете голосов, стало поводом для самого резкого проявления массового возмущения. Многочисленные фальсификации были зафиксированы наблюдателями, сведения о них широко обнародовались. Масштабы фальсификаций в тот раз едва ли были какими-то выдающимися, но в провоцировании массового возмущения ключевую роль сыграл сам феномен множественного и документированного разоблачения. Фальсификации из факта, признаваемого многими избирателями как индивидуальными лицами и носителями частного или неформального группового мнения, превратились в факт *общественного* мнения. Эта ситуация многократно обсуждалась, поэтому мы хотим обратить внимание на тот ее аспект, который отмечается весьма редко.

Речь идет о моменте, который может показаться чисто техническим: уровень конспирации и маскировки своих действий со стороны тех, кто технически и практически осуществлял разного рода подтасовки и фальсификации, был невысоким. Автобусы с псевдоизбирателями открыто подъезжали к избирательным участкам, бюллетени пачками вбрасывались в урны прямо на глазах наблюдателей и избирателей, наблюдателей оттесняли и выгоняли и так далее. Массив подобных частных случаев говорит о том, что членам и руководителям избирательных комиссий нужно было не столько заботиться о скрытности своих действий, сколько обеспечить результаты голосования, которые ожидалось от них вышестоящими инстанциями. Последовавшие за выборами попытки опротестовать их результаты в судах оказались тщетными. Наглым отрицанием доказательств и фактов подтасовки, а порой их циничным признанием – да, было, ну и что из того? – представители власти из избирательных комиссий разных уровней четко продемонстрировали обществу, что результаты выборов зависят от ее воли, а не от воли избирателей.

Вполне вероятно, что на разных уровнях управляющей системы существует конкуренция корпораций, группировок и персон. Но эта конкуренция не выносится в электоральное пространство. Соперничающие субъекты не собираются вручать избирателям право разрешать их распри. Напротив, руководство именно здесь стремится продемонстрировать монолитность режима и всячески дает понять, что задачей выборов является не обеспечение политической конкуренции

⁴ Движение «Голос» внесено Министерством юстиции Российской Федерации в реестр незарегистрированных общественных объединений, выполняющих функции иностранного агента. – *Примеч. ред.*

в стране, а консолидация власти. Эта конструкция достаточно прозрачна и с 2010-х практически не маскируется. Конечно, такая смена парадигмы выборов была замечена не только экспертами, но и широкими слоями общества⁵. И в реальности выборы – вместе со всем, что их окружает и им сопутствует, включая официальную презентацию результатов голосования и подсчета голосов, а также общественную реакцию на это, – выполняют более широкую функцию: отражают отношение общества к власти.

**АЛЕКСЕЙ ЛЕВИНСОН,
СТЕПАН ГОНЧАРОВ**

**ЗАЧЕМ АВТОКРАТИЯМ
ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ РИТУАЛ?..**

Наглым отрицанием доказательств и фактов подтасовки представители власти четко продемонстрировали обществу, что результаты выборов зависят от ее воли, а не от воли избирателей.

Социологические опросы давно показали, что имеется значительная масса избирателей, которая понимает выборы именно так, как того хотела бы власть. Эти люди на любых выборах голосуют так, чтобы власть была в них уверена, а они были бы уверены, что все останется как есть и не станет хуже. Наряду с этим существуют люди, которые понимают, что именно это составляет основное назначение наших выборов, но при этом желают хотя бы самим себе показать, что в идеале считают выборы средством волеизъявления избирателей. Поэтому такие люди отдают свои голоса за кандидатов, которые заведомо не имеют шанса победить. Наконец, есть люди, которые считают, что при использовании некоторых специальных тактик те, кто оспаривает у режима право на власть, могут добиться результатов, имеющих если не практическое, то политическое значение.

ЗАЧЕМ РОССИЯНЕ ХОДЯТ НА ВЫБОРЫ?

Многие россияне осознают границы своих возможностей в том, что касается влияния на политическую ситуацию в стране с помощью выборов. Отсюда следуют основные мотивы участия и неучастия в самых разных голосованиях, в том числе

- 5 Так, память о настоящих выборах сохранялась достаточно долго. Митинги 2011–2012 годов проходили под лозунгами «Верните честные выборы!». Сегодня ни избиратели, ни политическое руководство не ждут от выборов результатов, которые могли бы повлиять на состав правителей и образ правления. Впрочем, возможны и исключения. Результаты недавнего голосования по поправкам в Конституцию (во многом похожего на процедуру выборов) в известном смысле действительно повлияли на образ правления. Власть думает, что улучшила свои шансы править если не вечно, то очень долго. Оправданны ли ее надежды, мы увидим в ближайшие годы.

в президентских выборах, самых значимых по явке и статусу. В марте 2018 года, сразу после очередных выборов президента, «Левада-центр» узнавал, почему россияне голосовали или не голосовали. Чаще всего респонденты указывали, что принимали участие в выборах, потому что считают это своим долгом (48%). Значительно меньшей популярностью пользовались такие варианты ответов: «Хочу поддержать своего кандидата» (27%), «Чтобы мой бюллетень не использовали другие» (19%), «Чтобы повлиять на ход выборов» (18%). Обратим внимание, что основным мотивом оказывается ритуальное голосование, в ходе которого россияне выражают свое уважение государственной системе. Небольшая часть избирателей теми или иными вариантами своего электорального поведения выражала противоположную позицию.

Важно отметить, что те, кто голосовал за Владимира Путина, чаще других объясняли на фокус-группах свое решение необходимостью *отдать должное государству*. Для них голосование на президентских выборах – это не состязание электоратов разных кандидатов, а форма выражения всеобщей благодарности и уважения руководителю государства. А те россияне, которые отказывались от участия, поступали так прежде всего потому, что не верили, что их голос может что-либо изменить (29%), и потому, что «не смогли» (27%). Первый вариант ответа чаще выбирали те, кто не одобряет деятельность президента, второй – сторонники Путина.

То, что пришедшие к урнам участвуют не в выборах, а в демонстрации лояльности власти, не только вывод внешних наблюдателей – это ощущение самих избирателей. У одних оно создает чувство комфорта, особого спокойствия от осознания, что они лишний раз представили себе и всем удостоверение собственной лояльности. У других, напротив, те же обстоятельства рождают ощущение бессилия, неспособности повлиять на ситуацию в стране с помощью выборов. Их ответы – явный признак низкого доверия к избирательной процедуре в нынешней политической системе.

В марте 2018-го 69% наших респондентов считали выборы честными, но уже через два года, во время голосования по поправкам в Конституцию, этот показатель упал до 48%. Говорят ли такие цифры о том, что пятая часть россиян в принципе разочаровалась в выборах, или дело в том, что в самой процедуре произошли негативные изменения? Не исключено и такое, ведь голосование в 2020 году готовилось явно наспех, и это видели избиратели – оно проходило между волнами эпидемии, впервые длилось несколько дней.

Однако наши исследования заставляют считать, что важнейшей причиной оказалось изменение уровня поддержки режи-

ма. Причем речь идет не столько о падении поддержки первого лица государства, сколько о переменах в том, как воспринимается положение дел в стране. В периоды, когда оценка ситуации в стране менялась, схожие метаморфозы происходили и с восприятием честности выборов (см. табл. 1). Можно сделать вывод, что выборы не рассматриваются избирателями как независимый от обстоятельств и персоналий демократический институт. Они выступают как еще один показатель удовлетворенности ситуацией в государстве, одобрения власти.

**АЛЕКСЕЙ ЛЕВИНСОН,
СТЕПАН ГОНЧАРОВ**

ЗАЧЕМ АВТОКРАТИЯМ
ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ РИТУАЛ?..

	Считают выборы честными, %	Одобрят положение дел в стране, %
Декабрь 2007 года	61	59
Март 2008 года	58	60
Декабрь 2011 года	35	38
Март 2012 года	61	50
Сентябрь 2016 года	47	50
Март 2018 года	69	63
Сентябрь 2019 года	53	49
Июль 2020 года	48	42
Сентябрь 2020 года	49	50

Таблица 1. Одобрение положения дел в стране и отношение к выборам.

Поэтому в данном случае, когда респонденты отвечают на вопрос о честности выборов, надо уточнять, о чем идет речь. Конкурентность, прозрачность процедуры и подсчета голосов не могут меняться так сильно за короткий промежуток времени в рамках одной и той же политической системы. Отвечая на вопрос о честности, респонденты скорее давали характеристику самой власти, чем выборам. Выборы чаще считали честными, когда легитимность власти оставалась на высоком уровне. (То есть не выборы легитимируют власть, а наоборот – власть выборы.)

Рассмотрим это обстоятельство на примере последнего голосования общероссийского масштаба – референдума по поправкам в Конституцию, прошедшего в 2020 году. В среднем по стране 48% россиян считали эту процедуру проведенной честно. Среди сторонников деятельности Владимира Путина так считают 72% опрошенных, среди его критиков – 11%. Аналогично и с готовностью участвовать в выборах: среди сторонников президента 70% заявили, что приняли участие, среди его критиков – 49%. Выборы воспринимаются как честные преимущественно сторонниками правящих сил – и наоборот, противники режима стараются доказать, что результаты подтасованы. В известном смысле все участники и неучастники голосования надеются своим поведением не столько изменить ситуацию, сколько донести личную оценку до всех, и особенно до высших

государственных деятелей – напрямую, или через «голос улицы». Поэтому в условиях, когда в обществе преобладает мнение о неспособности людей повлиять на ситуацию в стране, выборы по-прежнему воспринимаются как важнейший, если не сказать последний, канал общения с властью. Надо только учитывать, что сообщения идут в разных форматах, не только в виде ритуального голосования. Неудовлетворенность выражается и протестным волеизъявлением, и растущим абсентеизмом.

Усилиями оппозиционных сил в ходе последних выборов разного уровня в нескольких случаях избранными оказались депутаты новой формации, имеющие установку действительно представлять интересы своего электората. Власть почувствовала угрозу созданной и отлаженной ею системе полного контроля над составом депутатского корпуса. Ради того, чтобы не допустить повторения такого результата на парламентских выборах в сентября 2021 года, приняты различные меры, в том числе прямое устранение подобных кандидатов с политического поля. Другим инструментом является игра с явкой, как-то до известной степени поддающаяся управлению и манипуляциям. За счет подрыва авторитета всей процедуры достигается низкая явка. А при низкой явке легче контролировать и промежуточный, и конечный результат.

В условиях, когда в обществе преобладает мнение о неспособности людей повлиять на ситуацию в стране, выборы по-прежнему воспринимаются как важнейший канал общения с властью.

Снижение интереса к выборам характерно для нынешней ситуации тотально выжженного политического поля, когда независимых кандидатов, пользующихся хотя бы небольшой поддержкой, не допускают до голосования. Выборы в Государственную Думу сентября 2021 года вполне могут пройти на фоне очень низкой явки (см. табл. 2). Их результаты будут иметь существенное политическое значение как доказательство того, что правящие силы сохраняют полный контроль над ситуацией, а возможности оппозиции очень невелики. Обратное может быть доказано лишь в случае, если электоральные тактики оппозиции принесут значительный успех. Конечно, если говорить о долгосрочных последствиях, то выключение из политической жизни значительных общественных групп не может пройти незаметно. Скрепление общества через ритуал работает в случае, если он (почти) тотален – или удастся создать иллюзию его тотальности.

	Скорее не будут, %	Не знают или затрудняются, %	Скорее будут, %
Апрель 2003 года	28	20	52
Май 2003 года	27	20	54
Май 2007 года	24	23	52
Июнь 2007 года	27	20	54
Июль 2007 года	29	20	51
Май 2011 года	25	27	48
Июнь 2011 года	20	25	55
Июль 2011 года	27	26	48
Февраль 2016 года	24	26	50
Март 2016 года	24	25	51
Февраль 2021 года	34	20	46

**АЛЕКСЕЙ ЛЕВИНСОН,
СТЕПАН ГОНЧАРОВ**

ЗАЧЕМ АВТОКРАТИЯМ
ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ РИТУАЛ?..

*Таблица 2. Готовность
россиян участвовать
в ближайших (на момент
опроса) выборах.*

Есть еще неявные функции, которые выполняют выборы как форма ритуального подтверждения лояльности публики существующему порядку вещей. Массовое применение фальсификаций, административного ресурса (то есть прямого принуждения к голосованию), массовое нарушение тайны голосования имели прямой или косвенной целью стереть в общественном сознании представление о выборах, остававшееся после 1990-х. Для этого были подчеркнуты параллели между выборами в эпоху Конституции нынешней (и до и после принятия поправок) и Конституции «сталинской» – хотя бы за счет сходства внешнего оформления. Организаторы рассчитывают на «народную память», запуская музыку через громкоговорители на избирательных участках и организуя торговлю «праздничными» товарами.

В советское время для организации выборов на временной основе привлекались дополнительные силы и кадры. Работники местных учреждений распоряжением партийных организаций направлялись в агитаторы. Выборы нынешней эпохи также используют внешний кадровый ресурс. Для работы в участковых избирательных комиссиях в массовом порядке привлекаются учителя (точнее говоря, учительницы) местных школ. Этот прием, удобный в организационном отношении, имеет свой смысл, связывающий его с массовым распространением фальсификаций именно в первичном звене – в участковых комиссиях. Фактически, мобилизуемые учителя вовлекаются в подтасовки и принуждаются к участию в них⁶. Можно предположить, что они могут не знать, что совершают преступления, предусмотренные российским законом⁷. Но,

6 См., например: *Члены московской организации профсоюза «Учитель» отказались работать в УИК на выборах в Мосгордуму* [14 августа 2019 года] (<https://pedagog-prof.org/novosti/chleny-moskovskoj-organizatsii-profsyuza-uchitel-otkazalis-rabotat-v-uik-na-vyborakh-v-mosgordumu>).

7 См. статью 142.1 («Фальсификация итогов голосования») Уголовного кодекса РФ.

во-первых, незнание закона не освобождает от ответственности, а во-вторых, о предосудительности своего поведения с точки зрения общественной нравственности они уж точно догадываются. Ведь учителя исходя из своей профессиональной роли должны демонстрировать учащимся образцы высоко морального поведения. Оставим в стороне вопрос когнитивного диссонанса и психологического дискомфорта, который, быть может, испытывают в этих обстоятельствах рядовые работники образования. Важнее то, что их роль и их действия в комиссиях ввиду массовости подобных ситуаций не могут не быть известны общественности – родителям учащихся, да и им самим. Возникающий в этом случае нравственный конфликт оказывается средством подрыва не индивидуальных моральных устоев, а устоев *общественной* морали в целом. Логичной реакцией общественного мнения на эту ситуацию оказывается цинизм – тихая альтернатива возмущению, бунту. Преподаваемые школой общественные моральные нормы оказываются ею же подорванными.

Моральная коррупция охватывает не только этот низовой слой участвующих в обеспечении требуемых властью итогов голосования. Поскольку установка на получение конкретного результата выборов спускается по «вертикали» с самого верха и до самого низа, она на всех уровнях формирует представление о выборах как о процессе массового обмана и принуждения. Основой легитимности избранных персон и управляющих структур оказывается в таком случае не «воля народа», а воля тех, кто управляет электоральным процессом.

Коррупция этого типа является предметом и результатом не частных сделок, пусть и массовых, но частных отношений. Она тотальна и осуществляется от имени власти – хоть и не оформляется документально. В этом смысле она является формой отправления власти. Выборы в еще большей степени, чем в сталинскую эпоху, становятся средством проверки органов власти на управляемость и способность управлять – на всех уровнях. Губернатор, не обеспечивший нужных результатов выборов в своем регионе, как правило, отстраняется от должности.

P.S. В заключение хотели бы подчеркнуть, что изложенные здесь соображения и выводы не претендуют на статус разоблачений. Российская публика знает, как проводятся выборы, и соглашается признавать власть не потому, что она избрана ее, публики, волей, а потому, что она поставила себя волей собственной. Как выразились на одной из фокус-групп, *«у нас власть есть власть потому, что она власть»*.